

Р. И. Беккин

Петиционная кампания мусульман Ленинграда по возвращению Соборной мечети в 1946–1955 гг.

В 1943 г. в конфессиональной политике руководства Советского Союза произошли заметные изменения. Они проявились, в частности, в ослаблении репрессий против религиозных деятелей и верующих¹, открытии культовых зданий признанных государством религиозных объединений². Среди причин, повлиявших на изменение отношения партийных вождей и прежде всего И. В. Сталина к религиозной сфере, исследователи в первую очередь называют следующие: намерение продемонстрировать союзникам по антигитлеровской коалиции наличие свободы совести в СССР³; стремление создать в Москве Вселенский центр православия («Московский Ватикан»)⁴; патриотическую позицию, занятую служителями культа и верующими в годы Великой Отечественной войны⁵ и др.

8 сентября 1943 г. в Москве начал работу Архиерейский собор Русской православной церкви, на котором Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей (Страгородский). Для «осуществления связи между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим рассмотрения Правительства СССР»⁶ через несколько дней был учрежден специальный орган при Совете народных комиссаров СССР — Совет по делам Русской православной церкви (СДРПЦ).

Беккин

Ренат Ирикович

д-р экон. наук,
канд. юрид. наук,
проф., Российский
государственный
педагогический
университет
им. А. И. Герцена; вед.
науч. сотр., Институт
Африки РАН
(Москва, Россия)

Изменения в государственно-конфессиональной политике затронули не только православных христиан, признававших Декларацию митрополита Сергия 1927 г., но и другие группы верующих в СССР, в частности — мусульман. Летом 1943 г. группа мусульманских религиозных деятелей из Узбекистана, среди которых был Эшон Бабахан (1858–1957), обсуждала с руководством республики инициативу об объединении мусульманских общин Средней Азии и Казахстана под эгидой единого духовного управления мусульман⁷. Кто был инициатором этой идеи, сказать сложно, но едва ли она была озвучена без предварительного одобрения со стороны высших партийных чиновников Узбекистана.

В результате смены вектора конфессиональной политики в СССР в 1943–1944 гг. ислам был институализирован подобно тому, как это произошло в 1788 г., когда был издан именной указ Екатерины II об учреждении первого в империи муфтията — Уфимского духовного магометанского закона собрания, позднее известного как Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). В Советском Союзе был реанимирован фактически перешедший в «спящий» режим муфтият — созданное на базе ОМДС Центральное духовное управление мусульман внутренней России и Сибири (ЦДУМ). Появились также три новых духовных управления мусульман, в юрисдикцию которых вошли мусульманские общины на территории Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Закавказья⁸. Деятельность муфтиятов стала подотчетна специально созданному в 1944 г. органу — Совету по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР (СДРК)⁹.

Российский историк В. А. Ахмадуллин выделяет следующие причины изменения политики советского государства по отношению к мусульманам: 1) поддержка, оказанная последователями ислама правительству на начальном этапе войны (молебны за победу Красной армии, сбор пожертвований, обращения мулл к верующим и др.)¹⁰; 2) необходимость считаться с требованиями союзников СССР по антигитлеровской коалиции по обеспечению свободы совести в стране; 3) «политическая воля И. В. Сталина, сумевшего увидеть мощный положительный потенциал ислама и желавшего спасти страну»; 4) «политика оккупантов, направленная на использование ислама против СССР»¹¹.

Не вступая в дискуссию с автором по каждому из указанных пунктов, согласимся с тем, что совокупность факторов, имевших как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический характер, повлияла на решение советского руководства институционализировать мусульманскую религию после жестоких гонений конца 1920–1930-х гг.¹² Однако тема ислама все же продолжала оставаться периферийной в конфессиональной политике руководства страны во главе со Сталиным в середине 1940-х гг. Основным игроком оставалась Русская православная церковь, которой отводилась важнейшая политическая задача — стать главной православной церковью в мире. Исламский фактор в международных отношениях пока не имел такого значения, какое он приобрел позднее, в 1950–1960-е гг.

Остается дискуссионным вопрос о том, насколько государство в середине 1940-х гг. придерживалось принципа равенства по отношению к различным

религиозным объединениям. Ряд исследователей, в частности В. А. Ахмадуллин, отмечает, что руководство Советского Союза отдавало приоритет РПЦ¹³.

О наличии дифференцированного подхода со стороны органов государственной власти к разным культу в стране свидетельствует письмо председателя СДРК И. Я. Полянского к председателю Совета министров СССР В. М. Молотову от 10 июня 1947 г. Так, в частности, говоря о предлагаемом СДРК подходе к мусульманским общинам, он писал: «Продолжая общую линию сдерживания оформления новых общин и регулируя их деятельность без вмешательства в вероисповедные основы, Совет предполагает руководствоваться по отдельным культу следующим образом: 1. По мусульманскому вероисповеданию — продолжать линию на благоприятствование законному оформлению фактически действующих общин, ставя целью максимальный охват религиозного движения ныне существующими четырьмя территориальными духовными управлениями мусульман»¹⁴. Более благоприятное отношение в документе прослеживается по отношению к армяно-григорианской церкви: «...принимая во внимание происходящую репатриацию армян, продолжать линию на благоприятствование открытию новых церквей и поддержать ходатайство Католикоса (главы церкви) о проведении миротворения, как мероприятия, направленного к повышению его престижа»¹⁵. В то же время в отношении римо-католиков, евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня рекомендовано считать, что действующее количество культовых зданий и общин «является предельным»¹⁶.

Далее Полянский приводит сведения об открытых и фактически действующих (без регистрации) религиозных общинах в СССР (кроме РПЦ) по состоянию на 1 июня 1947 г. (таблица).

Культ	Количество общин, открытых решением Совета	Количество общин, зарегистрир. как ранее действ.	Учено фактич. действ. (без регистр.)	Всего общин	Отклонение ходатайств об открытии молитвенных зданий	Было молитвенных зданий до Октябрьской революции
Мусульманское вероисповедание	124	261	843	1228	388	21 873

Источник: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 47. Л. 201.

Имеющиеся в распоряжении исследователей данные говорят о том, что число открываемых мечетей было существенно ниже количества передаваемых верующим православных церквей, в том числе в регионах с преобладающим мусульманским населением — в Средней Азии и Казахстане¹⁷. Однако при сопоставлении данных об открывавшихся культовых зданиях на территории СССР

необходимо также учитывать и то обстоятельство, что подавляющее число обращений об открытии церквей также оставалось без последствий. По данным, приводимым российским религиоведом М. В. Шкаровским, в 1944–1947 гг. в Совет по делам РПЦ и его уполномоченным на местах поступило 20 689 коллективных заявлений об открытии 5998 церквей. Но открыли только 1270. Таким образом, было удовлетворено менее 25 % ходатайств¹⁸.

В вопросе регистрации религиозных объединений могли возникать противоречия между уполномоченными СДРПЦ или СДРК, с одной стороны, и местными партийными органами, с другой. Оба совета стремились к тому, чтобы наиболее эффективно контролировать деятельность религиозных объединений. Для этого их было проще зарегистрировать и взять на учет. Для партийных же органов увеличение количества зарегистрированных религиозных объединений (даже вполне лояльных к советской власти) являлось маркером роста религиозности среди населения¹⁹. Разногласия по вопросам конфессиональной политики проявлялись и на самом высоком уровне — между профильными отделами ЦК ВКП(б) и обоими советами²⁰.

Однако бывали случаи, когда СДРПЦ или СДРК и партийные органы имели единую точку зрения по вопросу о возвращении верующим культовых зданий. Одним из примеров такого единодушия была ситуация с ленинградской Соборной мечетью. Несмотря на многочисленные ходатайства мусульман Ленинграда о передаче им Соборной мечети, или другого здания, либо участка под мечеть, они неизменно на протяжении 10 лет — с 1945 по 1955 г. — наталкивались на нежелание партийных и государственных органов решать этот вопрос. Подобная ситуация продолжалась и в годы либерализации конфессиональной политики (1943–1947) и в дальнейшем, когда происходило частичное возвращение к принципам отношений государства и церкви, господствовавшим в 1920-е гг.²¹ Мечеть была передана верующим только в 1955 г., за два года до начала активной антирелигиозной кампании. По мнению ряда исследователей, период 1955–1957 гг. является самым благоприятным для свободы вероисповедания в СССР после 1947 г.²²

Петиционная кампания мусульман Ленинграда по возвращению мечети, с одной стороны, стоит в ряду других аналогичных акций верующих — представителей разных религий в СССР. С другой стороны, это особый случай, его специфика обусловлена рядом факторов. В первую очередь, следует упомянуть особое положение Ленинграда — «колыбели революции», где партийные и государственные органы всегда ревностно относились к проявлениям чуждых большевистскому восприятию мира явлений, в частности религии. Особую остроту вопросу придавала близость к мечети объектов, связанных с историей революционного движения в России, — особняка Кшесинской, где с 1938 по 1956 г. располагался музей С. М. Кирова, и Петропавловской крепости — филиала Государственного музея Революции. Другой важный фактор — статус самой мечети. Как культурно-архитектурный памятник в исторической части города, мечеть не могла быть снесена или перестроена с такой же легкостью, с которой это могло быть сделано с другим культовым зданием (по крайней мере, в рассматриваемую нами эпоху)²³.

Можно привести немало примеров того, как власти отказывали мусульманам в получении мечети или молельного дома²⁴. Чиновники СДПК или городские власти, как правило, ссылались на то, что в рассматриваемом населенном пункте или соседнем с ним уже имеется действующая мечеть или молельный дом. В случае с Ленинградом при значительном мусульманском населении, регулярно посещавшем праздничные богослужения (3–5 тыс. чел.), ни в городе, ни в области не было ни одной работающей мечети. Это, с одной стороны, давало мусульманам больше шансов на положительное решение вопроса. Но, с другой стороны, с учетом вышеприведенных факторов, возвращение Соборной мечети верующим выглядело в глазах представителей партийных и государственных органов нежелательным.

Несмотря на то, что последователи ислама жили в Петербурге с самых первых лет его существования, добиться разрешения на строительство мечети мусульманам удалось только в начале XX в.²⁵ До этого религиозная жизнь концентрировалась вокруг молелен при мусульманских приходах²⁶ и на Татарском кладбище в Волковой деревне, основанном в 1826 г.²⁷ Регулярные богослужения в мечети стали проводиться уже в советское время — с 1920 г. В годы антирелигиозных кампаний конца 1920-х — начала 1930-х гг. мечеть продолжала функционировать и служить центром религиозной и культурной жизни татар Ленинграда, составлявших подавляющее большинство мусульманского населения города в имперский и советский периоды.

Только в 1940 г. властям города удалось преодолеть сопротивление мусульманской общины. 10 июня 1940 г. было принято постановление исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Ленгорсовета) «О закрытии мусульманской мечети»²⁸. 25 января 1941 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил решение Ленгорсовета. Формальным поводом для закрытия мечети послужило то, что мусульманское общество (т. е. мусульманская община) города не выполнило взятое на себя обязательство по ее ремонту. В решении Президиума Верховного Совета РСФСР отмечалось, что здание мечети представляет художественную ценность и должно использоваться для культурных целей²⁹.

В послевоенное время в своих официальных выступлениях представители мусульманской общины города указывали на то, что основной причиной закрытия мечети стало сокращение численности верующих в связи с Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. и, как следствие, невозможность осуществлять ремонт здания силами мусульман³⁰. Помимо финансирования ремонта, община обязана была выплачивать налог на строение и земельную ренту³¹. Действительно, во время войны с Финляндией часть татарского населения города была мобилизована, но еще до 1939 г. в адрес мусульманской общины со стороны органов государственной власти раздавались обвинения в том, что мечеть содержится недолжным образом.

Здание мечети было занято Ленгорздравотделом под склад с 1941 г.³² Однако еще до того, как мечеть была закрыта, с середины 1930-х гг. подвальные помещения общины были заняты под овощехранилище³³. Ненадлежащее

использование мечети с нарушением норм эксплуатации привели к серьезным проблемам, требовавшим ремонта как внутри, так и снаружи здания.

Закономерно поставить вопрос: как проходила жизнь ленинградских мусульман после закрытия Соборной мечети? К сожалению, по этой теме практически нет материалов. На период между 10 июня 1940 г. и началом блокады Ленинграда пришлось два мусульманских праздника: в конце октября 1940 г. отмечался Ураза-байрам, 7 января 1941 г. — Курбан-байрам. Где проходили праздничные богослужения, доподлинно неизвестно. Но принимая во внимание то обстоятельство, что с 1945 г. праздничные и пятничные намазы проводились на Татарском кладбище в Волковой деревне, можно с большой долей вероятности предположить, что подобная практика имела место и в 1940–1941 гг.

В 1940-е гг. Волкова деревня была окраиной Ленинграда. Общественный транспорт не ходил до самого кладбища, и верующие преодолевали пешком расстояние примерно в 3 км от ближайшей трамвайной остановки³⁴. Само кладбище к моменту закрытия мечети, по свидетельству современников, находилось в плачевном состоянии. Приведу цитату из заявления ленинградской татарки Сабиры Алаветдиновой, адресованного «Комитету мечети» (т. е. «двадцатке»): «...я была на татарском кладбище в мае мес. 5 дня 1940 г. Я встретила такой беспорядок, что по оной кладбищи гуляют козы и ходят по могилам, портят насаждения, а также венки. Я спрашивала у могильщиков почему они гуляют так могильщик Садык Булгаков отвечает — кругом забор сломан, смотреть некому. Когда я стала ходить по кладбищу я обнаружила 2-х сторожей, которые валяются пьяными безчувства, конечно это не один раз ежедневно эти сторожа находятся только для близира, куда не пойдешь везде загажено человеческим калом и все насаждения попорчены. Прошу вас принять какие нибудь меры...»³⁵

Но, несмотря на существовавшие трудности, количество посещавших праздничные намазы оставалось высоким. Так, на Ураза-байрам в 1947 г. на кладбище собралось по официальным данным до 3 тыс. чел.³⁶, а в 1955 г. на этот же праздник — уже 8 тыс. чел.³⁷ Количество молящихся на пятничных намазах колебалось от 100 до 1000 чел., но большая часть верующих собиралась в пятницу на квартирах³⁸.

На кладбище люди устраивалась прямо на земле между могильными холмами, постелив принесенные с собой коврики. Ритуальное омовение (*тахарат*) производилось заранее, так как вода в протекавшей рядом с кладбищем реке Волковке и в те годы была не совсем чистой³⁹.

Молитвы вели неофициальные имамы — Муса Немишев, которого прихожане звали Хафиз Муся⁴⁰, и гатчинский мулла Мутугулла Хамитов⁴¹ (1897–1972). По свидетельству коренного ленинградца Ибрагима Туктарова (р. 1937), посещавшего праздничные намазы на Татарском кладбище в первой половине 1950-х гг., среди молящихся было немало молодых людей⁴². Праздник имел не только религиозный, но национальный характер.

Во время праздничных намазов собирались деньги на ремонт мечети. Первые поступления в кассу общины зафиксированы документами уже в 1945 г.⁴³ Так, в 1947 г. во время намаза по случаю Ураза-байрама удалось со-

брать около 10 тыс. руб. на ремонт мечети⁴⁴. К 1955 г. в распоряжении общины было 700 тыс. руб.⁴⁵

Во время праздничных намазов инициативная группа, писавшая письма в разные инстанции, сообщала верующим о том, на какой стадии находится решение проблемы возвращения мечети. Начиная с 1946 г. (возможно, и ранее) мусульмане неоднократно обращались с письмами в государственные и партийные органы⁴⁶. Сложно назвать точное количество этих обращений. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Ленинградской области Н. М. Васильева, с 1946 по 1950 г. мусульманами было подано 10 официальных заявлений об открытии мечети⁴⁷. Согласно другому отчету Васильева, в период с 1946 по 1953 г. от мусульман поступило 18 ходатайств об открытии мечети⁴⁸. Под обращениями обычно стояла подпись контактного лица, действовавшего от имени общины, или нескольких лиц. Чаще всего встречается имя Усмана Айзатуловича Богданова, который в послевоенный период выступал в роли неформального лидера мусульманской общины Ленинграда. Также часто упоминалась фамилия Хусяина Мустафьевича Камалетдинова. В обращениях называлось разное количество мусульман в Ленинграде: 10 тыс.⁴⁹, 15 тыс.⁵⁰, 30 тыс. чел.⁵¹

Некоторые обращения проходили долгий путь по инстанциям. Так, одно из ходатайств об открытии мечети, адресованное Н. М. Васильеву, было направлено последним председателю Ленгорисполкома П. Ф. Ладанову. Потом бумаги попали на стол первого секретаря ленинградского горкома И. К. Замчевского. Затем заявление было направлено в Москву — председателю СДРК И. В. Полянскому. Из СДРК документы поступили обратно к секретарю Ленгорисполкома И. А. Пучкову, и дело о предоставлении мусульманам Ленинграда возможности совершать намаз в специально выделенном для этих целей помещении замерло⁵².

Одним из наиболее частых адресатов обращений был маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, в период с 1953 по 1960 г. — председатель Президиума Верховного Совета СССР, т. е. формально он занимал высшую должность в государстве, согласно Конституции 1936 г. К Ворошилову, в частности, было адресовано ходатайство одного из представителей инициативной группы татар Ленинграда, добивавшихся возвращения мечети, — Х. М. Камалетдинова. Это письмо полностью или частично приводится в публикациях А. Н. Тагирджановой и М. Иванова⁵³.

В обращениях встречается различная аргументация, свидетельствующая о том, что авторы текстов хорошо понимали психологию советских чиновников. Значительная часть ходатайств о возвращении мечети содержала ссылки на Конституцию СССР 1936 г., гарантировавшую свободу вероисповедания. Статья 124 Конституции гласила: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами». Нарушение свободы вероисповедания, гарантированной Конституцией, вызывало возмущение у ленинградских мусульман: «Выходит так, что нас не считают за граждан, которые имеют такие же права как и другие справлять свои религиозные обряды»⁵⁴.

Мусульмане указывали также, что отсутствие возможности посещать мечеть косвенно влияет на выполнение ими трудовых обязательств: «Просим вас обратить внимание на то, что мы в свои религиозные праздники, будь то мороз, дождь или бурю, — часами стоим под открытым небом, а ведь мы же советские граждане, рабочие и служащие. Многие потом, после таких условий, простужаются и болеют — все это отражается на трудоспособности»⁵⁵.

Встречаются в обращениях и выражения, которые заставляют вспомнить произведения Андрея Платонова: «Наша родная Коммунистическая Партия ничего не скрывает от народа и не боится сказать народу правду, хотя иногда эта правда дает временную пищу нашим врагам. Так и в этом вопросе следовало бы т. Васильеву сказать правду, либо полный отказ, либо дать конкретный совет и решения»⁵⁶.

В обращениях подчеркивались преимущества, которые получают органы государственной власти от предоставления мусульманам помещения для богослужений. В результате «будет осуществляться в какой-то степени и контроль за деятельностью культслужителей»⁵⁷. С подобным аргументом вряд ли бы стали спорить в Совете по делам религиозных культов.

Обращения были выдержаны в вежливом тоне, хотя в них и содержалось требование гарантированных Конституцией прав советских граждан. Однако были и исключения. Прочитую одно из таких ходатайств, адресованных все тому же К. Е. Ворошилову. Оно несколько выделяется на фоне других ходатайств откровенно издевательским тоном (текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации авторов):

«Дорогой т. К. Ворошилов. Разрешите вам сообщить, что жить стало лучше, жить стало веселей. Ленинградские татары ввиду того закрытой церкви (мечети), старухи и старики очень обижены. В Москве, Туркестане, Ростове, Ташкенте открыты русские и еврейские церкви неужели ленинградские татары недостойны своей религии. Прошу дать ответ.

*Курдыбабаева Фазыла Д.
Имянкаснев Якуб К.
Утилишов Сабер О.*»⁵⁸.

Как видно из письма, вместо привычного обращения по имени-отчеству, в ходатайстве содержится только первая буква имени: т. К. Ворошилов. И уже совсем вызывающе в контексте того жуткого времени звучит известная сталинская цитата «жить стало лучше, жить стало веселее», употребляемая со злой иронией для характеристики положения мусульман Ленинграда, которым не позволяют молиться в закрытом помещении. До XX съезда КПСС, на котором был разоблачен культ личности Сталина, было еще почти два года! Если в других ходатайствах подписанты ссылаются на Конституцию, указывают на необходимость соблюдения прав мусульман как достойных советских граждан⁵⁹, то в этой короткой петиции акцент сделан на том, что права мусульман ущемляются — по сравнению с правами православных и иудеев.

Попытки добиться положительного решения вопроса о мечети не ограничивались письменными ходатайствами. Некоторые представители общины,

обратив внимание на то, что уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинградской области Н. М. Васильев не торопится принимать решение, пытались дать ему взятку в виде продуктов⁶⁰.

Следует разделить вопрос о возвращении мечети⁶¹ и вопрос о регистрации самой мусульманской общины. Чиновники поначалу отказывались обсуждать проблему предоставления здания или участка для мечети на том основании, что общество мусульман еще не зарегистрировано⁶². При этом саму общину регистрировать не спешили. Получался таким образом замкнутый круг: для того чтобы поднимать вопрос о возвращении мечети или предоставлении другого здания под молельню, требовалась регистрация общины. А саму общину не регистрировали потому, что отсутствовало культовое здание. Забегая вперед, скажу, что община (религиозное общество мусульманского вероисповедания) была зарегистрирована 10 декабря 1955 г., т. е. в тот же день, когда было обнародовано постановление Совета министров РСФСР о передаче в бесплатное и бессрочное пользование ленинградской Соборной мечети верующим⁶³.

Заслуживают внимание аргументы уполномоченного Васильева против того, чтобы возвращать верующим Соборную мечеть на проспекте Горького: «Передачу здания мечети мусульманам считаю не целесообразным по причине, что она находится в центре города, рядом с музеем имени С. М. Кирова, филиалом музея Революции “Петропавловская крепость” и транспортной академией»⁶⁴.

Аргумент о культурной ценности здания, как мы помним, поднимался еще в 1930-е гг., когда чиновниками указывалось на то, что мусульмане не способны в должной мере содержать этот архитектурный памятник. В 1949 г. городскими властями был поставлен вопрос о передаче здания мечети Государственному Эрмитажу. Предполагалось, что там будут располагаться Музей Востока и экспозиция искусства Средней Азии. Передача здания под культурно-просветительские цели лишила бы верующих возможности ставить вопрос о возвращении мечети «и высказывать недовольство»⁶⁵. Действительно, 19 мая 1949 г. Ленгорисполком отклонил ходатайство группы мусульман об открытии мечети «по причине передачи здания этой мечети Государственному Эрмитажу»⁶⁶.

Справедливости ради следует заметить, что не только мусульмане в послевоенном Ленинграде не могли добиться предоставления им культового здания. Почти пятнадцать лет старообрядцы Белокриницкого согласия добились передачи им здания бывшей Греческой церкви Св. великомученика Дмитрия Солунского, но получали неизменные отказы. Только в 1960 г. общине удалось получить в пользование бывшую православную церковь Казанской иконы Божией Матери в селе Рыбацком под Ленинградом⁶⁷.

Здание Соборной мечети Эрмитажу не было передано. Но сама возможность подобных действий послужила для мусульман сигналом, что городские власти не готовы вернуть мечеть. Поняв это, верующие стали все чаще предлагать в своих петициях альтернативные варианты. Это не означает, что вопрос о возвращении здания Соборной мечети больше не ставился ленинградскими мусульманами. Но теперь этот вариант был не единственным и рассматривался

наряду с альтернативными проектами устройства мечети для мусульман Ленинграда.

Перечислю известные мне на основе архивных данных локации:

1. **Бомбоубежище на Коломенской улице**⁶⁸. С просьбой предоставить помещения бомбоубежища «под молитвенные собрания» ленинградские мусульмане обратились к городским властям в конце 1946 г. Райжилуправление в «целях сохранения фундамента дома и использования подвального помещения» дало свое согласие на передачу бомбоубежища верующим. Однако председатель исполкома рекомендовал мусульманам обратиться к уполномоченному СДРК и сначала зарегистрировать общину, а уже потом ставить вопрос о помещении⁶⁹.

2. **Флигель во дворе жилого дома по адресу: ул. Герцена, д. 49**. Полезная площадь составляла 52 кв. м. С ходатайством о передаче им флигеля мусульмане обращались к городским властям в IV квартале 1948 г. Мусульманам было отказано в пользовании флигелем на том основании, что здание признано опасным «в противопожарном отношении»⁷⁰.

3. **Здание бывшего храма Св. Станислава (Мастерская ул., д. 9 / ул. Союза Печатников, д. 22)**. Этот католический костел был закрыт в 1935 г. В последующие годы помещения храма использовались под детский сад, склад декорацией Театра музыкальной комедии и др. С ходатайством передать костел под мечеть мусульмане обратились в исполком в 1952 или 1953 г.⁷¹ Это предложение было поддержано уполномоченным СДРК Н. М. Васильевым, однако здание костела так и не было передано верующим.

4. **Татарское кладбище в Волковой деревне**. В конце 1949 г. представители мусульманской общины города подали заявление в отдел застройки архитектурного управления Ленгорисполкома с просьбой отвести участок вблизи мусульманского кладбища для строительства молельни⁷². В дальнейшем значительная часть ходатайств содержала просьбу разрешить строительство молитвенного дома по Волковскому проспекту напротив Татарского кладбища⁷³. Городские власти склонялись к этому варианту. Поддерживал его и уполномоченный СДРК Н. М. Васильев, при условии, что мусульмане за свой счет и своими силами построят молитвенное здание в районе мусульманской площадки Ново-Волковского кладбища⁷⁴. Однако и здесь верующим было отказано в ходатайстве, поскольку строительство мечети: 1) противоречило бы «принципам застройки, изложенным в генеральном плане города и района»; 2) поставило бы трудящихся, пользующихся мечетью, в трудные условия как в части транспортного сообщения, так и в части благоустройства того района; 3) вызвало бы крупные непроизводственные траты на городские коммуникации⁷⁵.

5. **Участок по адресу: Рашетова ул., д. 17**. В 1950 г. мусульмане договорились с частным лицом о продаже недостроенного дома по указанному адресу и подали ходатайство о регистрации общины и строительстве молитвенного дома⁷⁶. 26 марта 1951 г. Ленгорисполком отклонил ходатайство о строительстве молельного дома⁷⁷. Как оказалось, владелец участка Н. М. Никоноров не имел нотариально заверенного договора и утратил право на земельный участок⁷⁸.

Кроме того, данный участок предполагался под малоэтажное жилое строительство, что также делало невозможным устройство здесь мечети⁷⁹.

Мусульмане Ленинграда также обращались к дореволюционной практике своих единоверцев и арендовали помещения для проведения праздничных намазов. Так, в начале 1948 г. представители общины договорились с директором клуба работников связи, занимавшего здание бывшей Немецкой реформатской церкви (Б. Морская ул., д. 58 / Почтамтский пер., д. 9) об аренде зала для молитв. Но вмешался райком, и разрешение не было получено.

Таким образом, ни один из указанных вариантов, предложенных мусульманами, так и не был принят и одобрен чиновниками. В каком-то смысле повторялась ситуация начала века. Прежние ходатайства мусульман в XIX столетии не рассматривали в качестве местоположения мечети Петроградскую сторону и центральные районы города. Но имперские власти затягивали вопрос с разрешением на строительство мечети в столице государства. В результате мусульмане получили возможность приобрести участок с видом на Петропавловскую крепость. В 1940–1950-е гг. происходило нечто похожее. Если бы мусульманам разрешили построить молельню в другом месте, вопрос с передачей Соборной мечети верующим, возможно, не был бы решен в их пользу. Но в 1955 г. возникли обстоятельства, которые сделали невозможным далее отказывать мусульманам в их ходатайствах.

В литературе принято считать, что основанием для возвращения мечети верующим послужил внешнеполитический фактор: развитие связей СССР с освободившимися от колониальной зависимости мусульманскими странами⁸⁰. Закрытая мечеть в историческом центре города могла сформировать у зарубежных гостей негативное представление о состоянии свободы вероисповедания в СССР. Об этом, в частности, говорится в записке председателя СДРК И. В. Полянского⁸¹. Однако международный фактор был не единственным, который принимали во внимание контролирующие органы. В той же записке Полянского указано следующее: «Совет по делам религиозных культов стоит на точке зрения открытия мечети в Ленинграде, полагая, что в ближайшие годы религиозная активность мусульман Ленинграда при существующем положении спадать не только не будет, а, наоборот, будет расти, т. к. в борьбу за открытие мечети вовлекаются с каждым годом все новые слои татарского населения города, при этом используются не только религиозные, но и национальные чувства татар»⁸². Остроту вопросу придавало то внимание, с которым за ситуацией в Ленинграде следили мусульмане в других регионах СССР.

И. В. Полянский отмечал, что «религиозный фанатизм мусульман подогревается также наличием пустующей мечети в городе и отсутствием заботы государственных организаций на сохранение (так!) ее здания»⁸³. Большое значение имело и то, что «старшее поколение мусульман не только Ленинграда, но и всего Советского Союза еще помнят, что мечеть в Петербурге в свое время была открыта только в результате многолетних хлопот мусульман города»⁸⁴. Таким образом, происходило обращение к исторической памяти. Среди мусульман, участвовавших в борьбе за возвращение мечети, действительно были те, кто молился здесь в 1920–1930-е гг. и даже входил в орган управления —

приходской совет («двадцатку»). Были среди ленинградских мусульман и те, кто помнил, как их единоверцы добивались строительства мечети в имперской столице в конце XIX — начале XX столетия.

10 декабря 1955 г. было издано постановление СМ РСФСР № 4397-Р «О передаче в бесплатное и бессрочное пользование мечети верующим», и в тот же день зарегистрировано религиозное общество мусульманского вероисповедания⁸⁵. Председателем правления общества стал упоминавшийся выше У. А. Богданов⁸⁶.

Наконец 18 января 1956 г. Ленисполком во исполнение решения Совета министров РСФСР передал верующим здание мечети⁸⁷. Здание мечети в начале 1956 г. занимали Горздравотдел, 6-е главное управление Министерства судостроительной промышленности СССР и райпищеторг⁸⁸. 9 апреля здание было освобождено. С 17 апреля верующие приступили к его приемке⁸⁹. Однако проблемы ленинградских мусульман на этом не закончились.

Как уже отмечалось выше, Усман Айзатуллович Богданов в 1940–1950-е гг. фактически был неофициальным лидером мусульманской общины Ленинграда. Его подпись стояла на большей части обращений о возвращении мечети, направленных в государственные и партийные органы. Поэтому вполне закономерно, что после того, как усилия ленинградских мусульман увенчались успехом, Богданов хотел сохранить свое положение неформального лидера мусульманской общины города. Не имея религиозного образования, он мог претендовать лишь на роль руководителя исполнительного органа при мечети. 22 апреля 1956 г. Усман Айзатуллович был избран председателем «двадцатки» при ленинградской Соборной мечети, однако уже 2 июня его отстранили от должности. Основанием послужило то, что он якобы тормозил своевременное проведение строительных работ в мечети⁹⁰. Смещению Богданова предшествовал конфликт между ним и присланным из Уфы имам-хатибом Абдулбари Низамутдиновичем Исаевым (1907–1983).

А. Н. Исаев, будучи натурой деятельной, с первых дней своего пребывания в Ленинграде активно вникал во все вопросы, связанные с мечетью. Это касалось не только религиозных, но и хозяйственных дел. Для того чтобы мечеть могла нормально функционировать, требовалось проведение ремонтных работ. Имам-хатиб был недоволен работой Богданова по благоустройству здания мечети, а тот, в свою очередь, считал недопустимым вмешательство Исаева в хозяйственные дела. В этом была определенная логика: по существовавшим тогда правилам, имам-хатиб нанимался «двадцаткой» и был подотчетен ей. В результате между Богдановым и Исаевым возник острый конфликт. Таким образом, если до 1956 г. мусульмане выступали единым фронтом в борьбе за возвращение мечети, то теперь, получив в пользование здание, они стали выяснять отношения друг с другом не без участия посторонних лиц.

8 мая 1956 г. в мечеть пришел представитель пожарной инспекции с целью проверки ее противопожарного состояния. Инспектор заявил, что здание непригодно для богослужений. А. Н. Исаев, присутствовавший при этом, потребовал от У. А. Богданова типовой договор, заключенный «двадцаткой» с Петроградским районно-жилищным управлением (РЖУ). В ответ Богданов заявил, что

он не подчиняется имаму и что именно он, Богданов, «единственный хозяин мечети»⁹¹. Это происшествие излагается самим Исаевым в заявлении, адресованном муфтию Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири Шакиру Хиялетдинову. Сохранилась копия документа; по-видимому, это перевод с татарского оригинала, сделанный самим Исаевым. «После этого разговора, — пишет Исаев, — начальник пожарной команды вместе с Богдановым вышли из территории мечети, а я следовал сзади. При выходе с территории мечети Богданов начальнику пожарной охраны, показывая на меня, заявил, что этого мужика надо будет прижать к ногтям. Услышав эти слова, я ответил, что прижать меня к ногтям нет оснований, но вот Богданова призвать к порядку необходимо»⁹².

Некоторые прихожане обвиняли Богданова в том, что он нецелевым образом использовал денежные средства, которые с середины 1940-х гг. мусульмане собирали во время праздников для ремонта мечети⁹³. Это обвинение звучало серьезнее, чем упреки в неэффективном управлении.

Ситуацию с противостоянием Исаева и Богданова описывал новый председатель «двадцатки» Халим Шахмаметов: «Появляются люди грязных дел, которые стараются растраниривать общинные деньги. Разгадав замысли этих людишек, имам-хатыб (А. Н. Исаев. — Р. Б.) со всей своей твердостью, могучей и кипучей энергией дает решительный отпор. Многие здесь сидящие еще не знают, какая была эта борьба. Старое руководство двадцатки во главе с Богдановым не желали считаться с коллективом, начали партизанщину. Без совета и согласия мутаваллиата они пытались разбазаривать направо и налево общинные деньги. Их поддерживали влиятельные товарищи. Наш юбиляр этого не испугался и вступил в борьбу. Он мужественно, последовательно и убедительно фактами показал лицо и замыслы этих... В конце концов он победил. Победила справедливость»⁹⁴.

Х. Шахмаметов упоминает, что Богданова поддерживали «влиятельные товарищи». О ком именно идет речь, можно только предполагать. В письме к муфтию Шакиру Хиялетдинову Исаев сообщал, что «до открытия мечети Богданов верующим мусульманам доказывал, что ленинградской общине нет надобности объединения с Духовным управлением, иметь связь с муфти[ем] и имамом»⁹⁵. Иными словами, Богданов, если он действительно говорил такие слова, выступал за то, чтобы мечеть не находилась в юрисдикции муфтията, как это было прежде, до ее закрытия, а перешла в непосредственное подчинение уполномоченного СДРК по Ленинграду и Ленинградской области. Это, конечно, было нарушением существовавшей тогда административной структуры религиозных объединений в СССР и представляет интересный пример для исследователя ислама в Советском Союзе.

Как бы то ни было, но Богданов в своем конфликте с Исаевым апеллировал к уполномоченному СДРК Васильеву⁹⁶. А. Н. Исаев и в дальнейшем продолжал игнорировать уполномоченного и считал своим начальником муфтия Хиялетдинова⁹⁷. Однако, в отличие от уполномоченного СДРК, муфтий в такого рода конфликты старался напрямую не вмешиваться. Когда ситуация принимала

опасный оборот, в регион отправлялся представитель муфтия с целью выяснить ситуацию и примирить конфликтующие стороны.

А. Н. Исаеву удалось одержать верх в этом конфликте. У. А. Богданов и его группа утратили влияние в «двадцатке». Но сам Богданов продолжал оставаться членом исполнительного органа мечети еще некоторое время.

Конфессиональная политика советского государства даже в годы усиления гонений на религию и верующих отличалась прагматизмом. Колоссальное влияние на нее оказывали факторы места и времени. Случай с возвращением верующим Соборной мечети в Ленинграде подтверждает этот тезис. В условиях либерализации религиозной жизни в 1943–1947 гг. ленинградские мусульмане ходатайствовали о возвращении им здания мечети на проспекте Горького. Однако прошения не удовлетворялись. Среди оснований, препятствовавших, по мнению чиновников, возвращению верующим мечети, была ее локация: она находилась в самом центре города, рядом с памятными местами, связанными с историей Октябрьской революции в России. Таким образом, действующая мечеть в таком месте могла служить символом возрождения религии в историческом центре Ленинграда. Возвращение мечети верующим в 1955 г., когда, казалось, все надежды получить это здание были утрачены и рассматривались иные варианты, было вызвано прагматической целью — продемонстрировать лидерам мусульманских стран, что в Советском Союзе существует свобода вероисповедания. Функционирование исламского культового здания в самом центре советского города с богатым революционным прошлым в этом контексте играло уже не отрицательную, а позитивную роль.

Возвращения мечети не состоялось бы, если бы не предшествовавшая этому десятилетняя петиционная кампания ленинградских мусульман. Аналогичные кампании, организованные не только мусульманами, но и представителями других конфессий, имели место в целом ряде регионов после начала либерализации конфессиональной политики в СССР в 1943 г.⁹⁸

Принято считать, что мусульмане не были в числе активных участников правозащитного движения в СССР. По своей форме и содержанию десятилетняя борьба верующих за возвращение мечети представляет собой пример правозащитной деятельности (в вопросах обеспечения свободы совести), и должна учитываться при изучении истории движения за права человека и гражданина в СССР.

Важное значение имеет также обращение к исторической памяти как важному аргументу при решении вопроса о передаче мечети верующим. Таким образом, в глазах верующих — свидетелей и участников событий начала XX столетия — советская власть в своей политике по отношению к мусульманам Ленинграда мало чем отличалась от царской администрации. Параллель эта была очевидна, и это хорошо понимали чиновники Совета по делам религиозных культов.

¹ Речь шла о сокращении масштабов репрессий, но не о прекращении репрессий как таковых. Так, например, по официальным данным, приведенным на сайте ФСБ России, среди лиц, арестованных в 1945 г. как панисламисты, проходили 3202 чел., по категории «мусульманское духовенство и муссекты» подверглись аресту 74 чел. Кроме того, в качестве служителей культа был арестован 921 чел. Мусульмане (в том числе религиозные деятели) присутствовали и в других категориях арестованных (*Мозохин О. Б.* Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР с 1944 по 1946 г. // Федеральная служба безопасности Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id=10318101@fsb-Publication.html> (дата обращения: 24.08. 2021)). Следует оговориться, что немало людей из этого перечня находились на освобожденных территориях.

² Подробнее об этом см.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 195–216; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 46–107; *Ибрагимов Р. Р.* Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2005. С. 66–84; и др.

³ *Tasar E.* Soviet and Muslim: the institutionalization of Islam in Central Asia. New York, 2017. P. 46; *Ахмадуллин В. А.* Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2015. С. 21–22; и др.

⁴ *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. С. 63–64. *Kalkandjieva D.* The Russian Orthodox Church, 1917–1948: From Decline to Resurrection. New York, 2015. P. 180; и др.

⁵ *Цытин В.* Патриотическое служение Русской Православной церкви в Великую Отечественную войну // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 41–47; *Ахмадуллин В. А.* Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны. С. 33; и др.

⁶ Цит. по: *Гераськин Ю. В.* Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/4 (60). С. 45.

⁷ Автор монографии о муфтиях Бабахановых А. Усманходжаев приводит легенду о якобы имевшей место летом 1943 г. в Москве встрече Сталина и Эпона Бабахана (*Усманходжаев А.* Жизнь муфтиев Бабахановых: служение возрождению ислама в Советском Союзе. М.; Новгород, 2008. С. 42). Однако, как справедливо отмечают российские исследователи И. А. Зарипов и М. А. Сафаров, никаких источников, подтверждающих эту легенду, нет (*Зарипов И. А., Сафаров М. А.* Ахметзян Мустафин: из истории ислама в СССР. М., 2017. С. 63–64).

⁸ Подробнее об указанных муфтиятах см.: Ислам на территории бывшей Российской империи: энцикл. словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М., 2018. Т. 2. С. 158–162, 325–329.

⁹ С 1943 г. по май 1944 г. отношения с инославными и иноверческими религиозными организациями в стране относились к сфере компетенции Совета по делам Русской православной церкви.

¹⁰ *Ахмадуллин В. А.* Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны. С. 33.

¹¹ Там же. С. 47, 57.

¹² Там же. С. 57.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ Председатель СДРК Полянский Молотову об основных соображениях, которыми руководствуется Совет в вопросе об открытии молитвенных зданий (1947) // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 47. Л. 198.

¹⁵ Там же. Л. 199.

¹⁶ Там же. Л. 199–200.

¹⁷ *Ахмадуллин В. А.* Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны. С. 56.

¹⁸ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве... С. 336.

¹⁹ При решении вопроса о регистрации мог возникнуть замкнутый круг. Группе верующих отказывали в регистрации на том основании, что они не имеют культового здания. В то же

время культовое здание не предоставлялось религиозной общине на том основании, что она не зарегистрирована. Именно такая ситуация долгое время складывалась вокруг ленинградской Соборной мечети.

²⁰ Подробно эти противоречия рассмотрены российским религиоведом Т. А. Чумаченко: Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 108–125.

²¹ Окончание эпохи либерализации в государственно-конфессиональных отношениях большинство исследователей относят к 1948 г. (Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 264–265; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве... С. 9; Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 65; и др.).

²² Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. С. 280. Подробнее об отношениях РПЦ с государством в 1955–1957 см.: Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 161–166.

²³ Согласно ст. 41 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», культовые здания, утратившие свой первоначальный вид, не могли быть переданы верующим. Таким образом, сохранение первоначального облика мечети служило залогом возможности передачи ее верующим в качестве культового здания.

²⁴ См., например: Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. С. 73–74, 82–83; Зарипов И. А., Сафаров М. А. Ахметзян Мустафин: из истории ислама в СССР. С. 285–288; и др.

²⁵ Подробнее об этом см.: Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. М.; СПб.: Институт Африки РАН, 2016. С. 29–31.

²⁶ Слово «приход», заимствованное из православного лексикона, употреблялось в официальном языке Российской империи для обозначения *махаллей* (мусульманских общин). Всего в Петербурге в начале XX в. действовало четыре мусульманских прихода. Подробнее об этом см.: Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н. Мусульманский Петербург... С. 142–146, 177–184, 186–189, 290–292.

²⁷ Подробнее о Татарском кладбище в Волковой деревне см., например: Беккин Р. И. Татарское кладбище // Ислам на территории бывшей Российской империи. С. 354–357.

²⁸ Дело о закрытии Соборной мечети (1935–1941) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 77, 96, 113.

²⁹ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети (пр. М. Горького, 7), планы участка и помещений (1953–1956) // ЦГА СПб. Ф. Р-9620. Оп. 3. Д. 17. Л. 57.

³⁰ Справки, докладные записки о посещении мечети иностранцами (1956) // Там же. Д. 19. Л. 9.

³¹ Например, в 1933 г. общая сумма задолженности по налогу на строение и земельной ренте составила 9000 руб. «Двадцатка» смогла выплатить только половину этой суммы. Кроме того, с мечети причиталось 17 065 руб. 05 коп. в качестве сбора за асфальтирование прилегающего участка (Переписка Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (1931–1935) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 989. Л. 177).

³² Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // Там же. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 4.

³³ Дело о закрытии Соборной мечети (1935–1941) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 54, 112, 123, 158; Иванов М. Соборная мечеть в Петербурге. СПб., 2006. С. 42–43.

³⁴ Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 10.

³⁵ Дело по наблюдению за деятельностью мусульманской соборной мечети и о закрытии ее (22 апреля 1932 — 8 мая 1940) // Там же. Д. 37. Л. 124. Письмо приведено с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

³⁶ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1946–1947) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 738. Л. 242.

³⁷ Председатель СДРК Полянский о незарегистрированном объединении мусульман в Ленинграде (1955) // Там же. Д. 114. Л. 51.

³⁸ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 57; Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 155.

³⁹ Интервью с Ибрагимом М. Туктаровым, 7 июня 2020 г. // Полевые материалы автора.

⁴⁰ Там же. Муса Немишев с 1956 г. служил вторым муэдзином при ленинградской Соборной мечети. Автор благодарен за эти сведения Г. Г. Исаеву.

⁴¹ Подробнее о Мутугулле Хамитове см.: Беккин Р. И. Мусульмане в советском Петрограде — Ленинграде (1917–1991). М., 2017. С. 23–24.

⁴² Однако не все из присутствовавших понимали идею праздника. Как отмечает Туктаров, по окончании намаза часть молодежи направлялась в пивную — продолжить празднование (Интервью с Ибрагимом М. Туктаровым, 7 июня 2020 г.).

⁴³ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 67–67об.

⁴⁴ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1946–1947) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 738. Л. 242.

⁴⁵ Председатель СДРК Полянский о незарегистрированном объединении мусульман в Ленинграде (1955). Л. 51.

⁴⁶ Фрагменты этих писем были приведены М. Ивановым и А. Н. Тагирджановой: *Иванов М. Соборная мечеть в Петербурге*. С. 50–51, 88–89; *Тагирджанова А. Н. Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины*. СПб., 2014. С. 97–100.

⁴⁷ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 155.

⁴⁸ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 56. А. Н. Тагирджанова пишет, что только в 1949 г. мусульманами Ленинграда было подано около 20 заявлений в разные государственные и партийные органы (Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. С. 97). Но эта цифра представляется завышенной. Также ею ошибочно приводится цифра в 20 заявлений, поданных мусульманами до июля 1954 г. (Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 2.).

⁴⁹ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 1.

⁵⁰ Дело по наблюдению за деятельностью мусульманской соборной мечети и о закрытии ее (22 апреля 1932 — 8 мая 1940) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 3; Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 71, 76.

⁵¹ *Иванов М. Соборная мечеть в Петербурге*. С. 89.

⁵² Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 4, 8 об.

⁵³ *Иванов М. Соборная мечеть в Петербурге*. С. 50–51; *Тагирджанова А. Н. Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины*. С. 99–100.

⁵⁴ Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 15.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 11.

⁵⁷ Там же. Л. 12.

⁵⁸ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 79.

⁵⁹ См., например: «Крайне удивительно, что мы, граждане СССР, трудящиеся, в соответствии со ст. 124 нашей конституции, не можем получить до настоящего времени удовлетворительного ответа» (Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 80).

⁶⁰ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1946–1947) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 738. Л. 242. Подробнее о проблеме взяток уполномоченным СДРК и Совета по делам русской православной церкви см., например: *Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие*. С. 43–44.

⁶¹ В некоторых ходатайствах также содержалась просьба передать двухэтажное здание при мечети (Информационные отчеты уполномоченного СДРК за 1946 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-9620. Оп. 1. Д. 3. Л. 33).

⁶² Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1946–1947) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 738. Л. 135–136.

- ⁶³ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 166.
- ⁶⁴ Там же. Л. 57.
- ⁶⁵ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 6.
- ⁶⁶ Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 2.
- ⁶⁷ *Шкаровский М. В.* Старообрядцы СССР в годы Великой Отечественной войны // Санкт-Петербургская Духовная Академия: офиц. сайт. URL: <https://spbda.ru/publications/shkarovskiy-m-v-starobryadcy-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 24.08.2021).
- ⁶⁸ Точный адрес неизвестен. Возможно, речь идет о бомбоубежище в доме 46 по Коломенской улице.
- ⁶⁹ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1946–1947) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 738. Л. 135–136.
- ⁷⁰ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // Там же. Д. 740. Л. 12.
- ⁷¹ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 71.
- ⁷² Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 154.
- ⁷³ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 1.
- ⁷⁴ Там же. Л. 58.
- ⁷⁵ Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954) // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 25–26.
- ⁷⁶ Материалы о работе уполномоченного СДРК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 223.
- ⁷⁷ Там же. Л. 261.
- ⁷⁸ Там же. Л. 273.
- ⁷⁹ Там же. Л. 273.
- ⁸⁰ Согласно одной из устойчивых легенд, распространенных среди мусульман Петербурга, мечеть была открыта благодаря премьер-министру Индии Дж. Неру. Во время своего визита в Ленинград в 1955 г. Неру якобы захотел осмотреть мечеть и пообщаться с верующими, но попасть туда не смог (Интервью с Гали А. Исаевым, 29 августа 2020 г. // Полевые материалы автора).
- ⁸¹ Председатель СДРК Полянский о незарегистрированном объединении мусульман в Ленинграде (1955). Л. 52.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. Л. 51.
- ⁸⁴ Там же. Л. 50.
- ⁸⁵ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 166.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ М. Иванов, а вслед за ним и А. Н. Тагирджанова ошибочно указывают, что в этот день в мечети состоялось первое за послевоенное время богослужение (*Иванов М.* Соборная мечеть в Петербурге. С. 52; *Тагирджанова А. Н.* Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. С. 100). Осуществлять религиозные обряды в стенах мечети до апреля 1956 г. было практически невозможно, так как ее помещения все еще были заняты Горздравотделом, 6-м главным управлением Министерства судостроительной промышленности СССР и райпищеторгом.
- ⁸⁸ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 107.
- ⁸⁹ Там же. Л. 154.
- ⁹⁰ Там же. Л. 190.
- ⁹¹ Там же. Л. 194–194 об.
- ⁹² Там же. Л. 194 об.
- ⁹³ Там же. Л. 196–196 об.
- ⁹⁴ Председатель общины мусульман Ленинградской мечети Шахмаматов в СДРК о состоявшемся праздничном обеде, посвященном пятидесятилетию со дня рождения имама-хатыба Ленинградской мечети Исаева // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 86. Л. 10.

⁹⁵ Наблюдательное дело за деятельностью общины Соборной мечети... Л. 194 об. — 195.

⁹⁶ Там же. Л. 151.

⁹⁷ «Тов. Приходько просил муфтия Хиялетдинова обратить внимание на поведение имама мечети в Ленинграде Исаева Абдулбария, который действует в отрыве от Духовного управления и не считает нужным принимать рекомендации от Уполномоченного Совета» (Справка и запись приема членом СДРК Приходько председателя ДУМ Европейской части СССР и Сибири Хиялетдинова и члена ДУМ Тугузбаева) // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 75. Л. 113).

⁹⁸ Подробнее об этом см., например: *Михайловский А. Ю.* Ходатайства верующих об открытии храмов как канал взаимодействия с властью в сфере религиозной политики (1943–1958 гг., на материалах Рязанской области) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3 (83). С. 360–365; *Гераськин Ю. В.* Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е гг. как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «История». Челябинск, 2008. Вып. 24, № 15. С. 132–138; *Тимофеева Я. Б.* Письма и заявления с просьбами об открытии храмов как источник по изучению религиозности сельского населения в 1940-е годы (по материалам Государственного архива Вологодской области) // Исторический вестник. 2001. № 2–3 (13–14). С. 113–120; *Пивоваров Н.* Послевоенное положение в епархиях и приходах // Непридуманные рассказы о войне. URL: <http://www.world-war.ru/poslevoennoe-polozhenie-verparhiyax-i-prixodax/> (дата обращения: 15.10.2020); и др.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2020 г.

Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Беккин Р. И. Петиционная кампания мусульман Ленинграда по возвращению Соборной мечети в 1946–1955 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 755–775.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.312>
УДК 94(470)»19»:28

Аннотация: Статья посвящена петиционной кампании по возвращению Соборной мечети, организованной мусульманами Ленинграда во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. По мнению автора, данная кампания представляет собой пример правозащитной деятельности (в вопросах обеспечения свободы совести) и должна учитываться при изучении истории движения за права человека и гражданина в СССР. Рассмотрена внемечетная религиозная жизнь ленинградских мусульман (в частности, проведение праздничных богослужений на Татарском кладбище в Волковой деревне). Затрагивается тема исторической памяти: сохранявшиеся в среде ленинградских мусульман воспоминания о борьбе за разрешение построить мечеть в Санкт-Петербурге в царское время принимались во внимание чиновниками, решавшими вопрос о возвращении этого культового здания верующим в 1950-е гг. Предпринята попытка изучить проблему в контексте изменений в конфессиональной политике руководства страны. Продемонстрирована роль Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР в решении вопросов возвращения культовых зданий верующим в послевоенное время. Особое внимание уделено взаимоотношениям внутри самой ленинградской общины мусульман.

Ключевые слова: Ленинград, Соборная мечеть, «двадцатка», татары, Совет по делам религиозных культов, ислам, СССР.

Сведения об авторе: *Беккин Р. И.* — д-р экон. наук, канд. юрид. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; вед. науч. сотр., Институт Африки РАН (Москва, Россия); bekkin@mail.ru

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Институт Африки РАН, Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

FOR CITATION

Bekkin R. I. 'The Petition Campaign of the Muslims of Leningrad on the Return of the Cathedral Mosque in 1946–1955', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 755–775. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.312> (In Russian)

Abstract: The article examines the petition campaign for the return of the Cathedral Mosque, organized by the Muslims of Leningrad in the second half of the 1940s and the first half of the 1950s. The campaign represents an example of a human rights activity (albeit in a limited sphere, for securing freedom of conscience), and should be taken into account when studying the history of the human and civil rights movement in the USSR. The language and argumentation used by authors of the petitions are analyzed. The article examines the religious life of Leningrad Muslims outside of the mosque (in particular, the holding of festive services at the Tatar cemetery in the village of Volkova). The article touches upon the problem of historical memory. The memories of the struggle for permission to build a mosque in St. Petersburg in tsarist times, preserved among Leningrad Muslims, were taken into account by officials when deciding whether to return this religious building to believers in the 1950s. The problem of returning the mosque is considered in the context of changes in the confessional policy of the country's leadership. The article demonstrates the role of such a body as the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR touches upon this role in resolving issues of returning religious buildings to believers in the post-war period. Particular attention is paid to the relations within the Leningrad Muslim community. On the example of the conflict between imam-khatib Abdulbari N. Isaev and Chairman of the twenty (*dvadtsatka*) Usman Bogdanov, the author examines the system of power relations within religious communities in the USSR in the postwar period. In particular, the article mentions the narrative that Bogdanov proposed to subordinate *dvadtsatka* directly to the Commissioner of the Council for Religious Affairs in the Leningrad Region.

Keywords: Leningrad, Cathedral Mosque, *dvadtsatka*, Tatars, Council for the affairs of religious cults, Islam, USSR.

Author: *Bekkin R. I.* — Dr. Sci. in Economics, PhD in Law, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia; Leading Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); bekkin@mail.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, nab. reki Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, 123001, Russia

References:

- Akhmadullin V. A. *Patriotic activities of the spiritual administrations of Muslims during the Great Patriotic War (1941–1945)* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Bekkin R. I. *Muslims in Soviet Petrograd — Leningrad (1917–1991)* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Bekkin R. I. 'Tatar cemetery' in *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii: enciklopedicheskij slovar'* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Bekkin R. I., Tagirdzhanova A. N. *Muslim Petersburg. Historical guide. The life of Muslims in the city on the Neva and its surroundings* (Moscow — St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Chumachenko T. A. *State, Orthodox Church, believers. 1941–1961* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Geraskin Yu. V. 'Submission of petitions to reopen churches in the 1940s — 1950s as a way to defend the constitutional right to freedom of religion', *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. *Istoriya*, iss. 24, no. 15, 2008. (In Russian)
- Geraskin Yu. V. 'The emergence and formation of the institution of the authorized Council for the affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR', *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4/4 (60), 2008. (In Russian)
- Ibragimov R. R. *Power and religion in Tatarstan in the 1940–1980s* (Kazan, 2005). (In Russian)
- Ivanov M. *Cathedral Mosque in St. Petersburg* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Kalkandjjeva D. *The Russian Orthodox Church, 1917–1948: From Decline to Resurrection* (New York, 2015).
- Mikhailovskiy A. Yu. 'The petitions of believers to open churches as a channel of interaction with the authorities in the field of religious policy (1943–1958, based on materials from the Ryazan region)', *Vestnik Tambovskogo universiteta*, Ser. *Gumanitarnye nauki*, iss. 3 (83), 2010. (In Russian)
- Pospelovskiy D. V. *Russian Orthodox Church in the 20th century* (Moscow, 1995). (In Russian)

- Shkarovskiy M. V. *Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church relations in the USSR in 1939–1964)* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Tagirdzhanova A. N. *Mosques of St. Petersburg: projects, implementation, history of the Muslim community* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Tasar E. *Soviet and Muslim: the institutionalization of Islam in Central Asia* (New York, 2017).
- Timofeeva Ya. B. 'Letters and applications requesting the opening of churches as a source for studying the religiosity of the rural population in the 1940s (based on the materials of the State Archives of the Vologda Region)', *Istoricheskiy vestnik*, no. 2–3 (13–14), 2001. (In Russian)
- Tsylin V. 'Patriotic ministry of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War', *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2, 1995. (In Russian)
- Usmanhodzhaev A. *The life of the Babakhanov muftis: serving the revival of Islam in the Soviet Union* (Moscow — Nizny Novgorod, 2008). (In Russian)
- Zaripov I. A., Safarov M. A. *Akhmetzyan Mustafin: from the history of Islam in the USSR* (Moscow, 2017). (In Russian)

Received: October 16, 2020

Accepted: May 10, 2021